

ПРОБЛЕМА СМЕРТИ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 января 2015 г.

Аннотация: в статье проводится анализ подходов к исследованию смерти как феномена человеческого бытия в философской антропологии. Обращается внимание на изменение отношения к смерти в культуре, на характерное для современного общества «забвение смерти». Ставится вопрос о смысле смерти, который может быть решен только в контексте целостного исследования сущности человека и его ценностных ориентаций.

Ключевые слова: проблема смерти, пограничная ситуация, смысл смерти, феномены человеческого бытия, конечность человека.

Abstract: the article is devoted to the analysis of approaches to the study of death as a phenomenon of human existence in philosophical anthropology. Attention is drawn to the changing attitudes to death in culture, characteristic of modern society «the oblivion of death». The article raises the question about the meaning of death, which can be solved only in the context of a holistic study of human nature and its values.

Key words: the problem of death, a borderline case, the meaning of death, the phenomena of human existence, the finiteness of man.

Размышляя о сущности человека, философы всякий раз пытаются найти тот специфицирующий признак, который бы однозначно позволил дать ответ на вопрос: кто такой человек и чем он выделяется в ряду всех живых существ? Не углубляясь в различные трактовки сущности человека, имеющие место в истории антропологических учений, выделим главную, на наш взгляд, особенность человека, которая заключается в способности ставить вопросы о смысле. Если поведение животного полностью детерминировано инстинктами, то существование человека ничем однозначно не предопределено, напротив, разрыв между потребностями и влечениями и возможностями для их удовлетворения (этот разрыв А. Гелен назвал «зиянием» в своей антропобиологической системе) порождает необходимость осмысливать и проблематизировать феномены своего существования.

Одним из таких феноменов, требующих от человека необходимости осмысления, является смерть. Обращаясь к данному феномену, философия, как и любая наука, с неизбежностью исходит из конечного характера человеческого бытия. Но все науки, в том числе и медицина, относятся к человеку в большей степени как к биологическому существу, а потому смерть, как и жизнь, представляет собой естественный процесс. Именно в этом контексте смерть как явление не может вызывать у человека вопросов о смысле.

Если для всего живого свойственны разрушение и распад, то смерть не является чем-то противоестественным для человека как живого существа, и ее органическая трактовка не предполагает трагического ее восприятия. Смерть естественна как биологический феномен, но как нечто, вторгающееся в ментальную сферу человеческого бытия, смерть противоестественна, а потому должна быть осмыслена и понята. Именно поэтому «принятие» возможно не через знание о ней (в этом смысле она объективна), а через субъективное переживание ее как феномена собственного бытия. Ведь только как духовное существо человек не может примириться со смертью.

«Естественной смерти не существует: ни одно несчастье, обрушивающееся на человека, не может быть естественным, ибо мир существует постольку, поскольку существует человек. Все люди смертны, но для каждого человека смерть – это бедствие, которое настигает его, как ничем не оправданное насилие, даже если человек покорно принимает ее» [1]. Сам феномен смерти является конституирующим человеческое бытие, ведь именно в отношении к смерти человек определяет себя как человек, а не просто как живое существо, потому что пытается выйти за пределы биологического существования, преодолеть природную детерминацию и поставить вопросы о смысле собственного бытия. Осознание своей конечности позволяет человеку посмотреть на себя и на свое существование как на ни к чему не сводимую возможность, неповторимый и уникальный опыт, отличный от опыта других.

Идея придания смысла смерти подробно была рассмотрена экзистенциалистами, что выразилось в понятии пограничной ситуации. Повседневность закрывает от человека многие аспекты его бытия и собственного Я. Поскольку человеку никогда не хватает времени осмыслить свое бытие здесь и сейчас, он всегда устремлен в будущее, границы которого представляются призрачными и потенциально бесконечными. Смерть же вторгается в бытие человека, делая эти границы актуальными и не только сужающими временные рамки человека, но и представляющими весь мир в непосредственной близости человеку.

«Люди знают о верной смерти и все же «существуют», собственно, без уверенности в своей. Падающая обыденность присутствия знает достоверность смерти и все же от уверенного в ней бытия уклоняется. Но из того, от чего оно уклоняется, это уклонение феноменально подтверждает, что смерть требует осмысления как наиболее своя, безотносительная, не-обходимая, верная возможность. Говорят: смерть наверное придет, но пока еще нет. Этим «но...» люди отказывают смерти в достоверности», – писал М. Хайдеггер [2] о забвении смерти. Действительно, в течение жизни человек гонит от себя мысли о собственной смерти, этот факт уже давно был подмечен психологами, которые заметили, что в реакции человека на информационные сообщения о гибели людей (в катастрофах, терактах и пр.) помимо ужаса и сочувствия близким есть еще и чувства облегчения, что это происходит с другими, но не с ним. Именно это ха-

рактирует состояние бегства от смерти, от необходимости ее принятия, что, однако, чрезвычайно важно для понимания собственной жизни.

Смерть – это та черта, перед которой человек понимает истинную ценность и смысл своей жизни. Именно в связи с этим «человеческую жизнь нельзя назвать ни длинной, ни короткой, так как, в сущности, она именно и служит масштабом, которым мы измеряем все остальные сроки», – писал А. Шопенгауэр [3].

Известный врач и священнослужитель Митрополит Антоний Сурожский момент осознания собственной смертности описывал так: «Настало время быть» [4]. По его мнению, человек на протяжении всей жизни узнает себя, осмысливает свое Я, и кажется, что нам уже нечего открывать в себе. Однако, как замечал Сурожский: «есть в каждом человеке глубины, куда он боится заглянуть, есть в каждом человеке разлад, которого он страшится» [4], – и именно с этим сокрытым и должен встретиться человек.

О встрече с самим собой как о главном смысле смерти писал и Л. Шестов, полагая, что в ситуации «на краю» необходимо сосредоточиться на себе, а не «болтать», как Сократ: «Самая лучшая смерть это та, которая почитается самой худшей: когда никого нет при человеке – умереть далеко на чужбине, в больнице, что называется, как собака под забором. По крайней мере, в последние минуты жизни можно не лицемерить, не учить, а помолчать: приготовиться к страшному, а может быть, и к великому событию» [5].

Все подлежит рано или поздно уничтожению, но только человеку свойственно искать смысл смерти, пытаться найти ответ на вопрос о том, почему его бытие так недолго и преходяще и в чем его смысл. И от этого смерть в стремлении к ее пониманию и осмыслению является неизбежной проблемой, постижение которой во многом зависит от особенностей культуры. «Смерть – компонент картины мира, существующей в сознании членов данного общества в данный период <...> Отношение к смерти служит индикатором характера цивилизации», – пишет А. Гуревич [6]. И данные утверждения действительно справедливы, ведь отношение к смерти определяет во многом отношение людей к жизни и к ее ценностям.

На протяжении всей истории существования человечества различные культуры неодинаково выражали свое отношение к смерти. Не в силах противостоять ей естественным путем, люди попытались очертить ей символические границы. Каждая культура задавала человеку пространство понимания смерти и примирения с ней. Но это примирение в первую очередь может быть осуществимо через Другого. Интересна в данной связи мысль Б. В. Маркова о том, что «смерть – это феномен не времени, а пространства» [7] и встреча с ней возможна на границе моей жизни и смерти Другого. Именно смерть Другого, близкого нам человека, переживается нами в первую очередь как самое страшное событие. И несмотря на то что смерть Другого и смерть Я несводимы друг к другу,

тем не менее для человека важен опыт умирания Другого, как опыт встречи со смертью в пространстве своего бытия, реализуемый в ритуалах.

В сфере культуры человек имеет возможность в символической форме приручить смерть, вывести ее за границы естественного порядка вещей, где он никак не может ей противостоять. Посредством обрядов человек пытается провести границу между живым и неживым, символически не допустить проникновение смерти в свое жизненное пространство.

Еще с XIII в., по свидетельству Ф. Арьеса [8], в западном обществе начинает развиваться тенденция к отказу от созерцания мертвого тела. В обществе постепенно наблюдается стремление накрывать лицо умершего человека, затем попытки завуалировать внешний вид гроба. Всё это сопровождается усложнением погребальных обрядов, стремлением придать им характер невыносимого страдания, тем самым способствуя изживанию действительного горя посредством соответствующих ритуалов, перенесению смерти из физической плоскости в плоскость культуры, придания ей символического характера. Перенесение смерти из физической плоскости в культурную не избавляет окончательно от страха смерти, но позволяет почувствовать человеку над ней власть, тем самым подчинив ее символически. Ведь, несмотря на все разнообразие существующих в обществе погребальных обрядов, они имеют одну общую цель – провести различие между живым и неживым и, таким образом, почувствовать устойчивость своего бытия.

Именно этого и лишена современная культура, ориентированная на сохранение жизнеспособности. Установка современной культуры на культ тела, на продление жизни, поддерживаемая все повышающимся уровнем медицины, приводит к тому, что человек не хочет принимать смерть во внимание как возможность своего бытия. Он не просто боится ее, а именно искореняет из своего существования как что-то, что вторгается в его телесное существование, что извращает его планы и образ жизни.

В современном обществе во многом благодаря развитию медицины смерть перестает пугать физической болью, более того, увеличивается длительность существования, также ведутся споры о возможности ограничения жизни человека, которая по определенным качественным параметрам перестает его удовлетворять. В такой системе планирования человек избегает случайности и все пытается взять в свои руки, в том числе вытеснить смерть из своей жизни, с одной стороны, отодвинуть ее от себя посредством медицины, с другой – максимально отгородить себя от необходимости лицезреть смерть Другого. Упрощение ритуалов, передача их в ведение специальных служб является ярким примером того, как смерть в качестве культурного феномена вытесняется из сферы общественного сознания. Человечество все больше погружается в пространство, где смерти как будто нет, или, как определил К. Свасьян, в «ситуацию после смерти человека» [9]. Эта ситуация характерна для

обществ, в которых превалирование установки на комфорт не допускает вопроса о смысле смерти и о включении ее в контекст человеческого бытия. В таких обществах смерть как величайшее недоразумение, угрожающее стремлению к счастью, «передана в руки» врачей и работников ритуальных услуг. Эту ситуацию весьма иронично описывает Во Ивлин в своем произведении «Незабвенная». Один из героев – работник «системы досрочного приготовления» (ритуальной службы), говорит от том, что «смерть – это не ваша личная трагедия, а участь всякого человека» [10], именно поэтому все мероприятия, испокон веков направленные на символическое приручение смерти, на установление последней эмоциональной связи с умершим и, что самое главное, на переживание посредством смерти Другого конечности собственного бытия, теперь переходят в сферу услуг как обыденные и требующие лишь эстетического восприятия, но не экзистенциального переживания.

Подобное забвение смерти не позволяет человеку задуматься о своей жизни, о том, что еще надо успеть, ведь теперь главной заботой, сопровождающей все его существование становится продление жизни, увеличение длительности своего бытия. Именно эти границы становятся предельно важными для человека, а не тот смысл, который они в себе несут.

Подобное «затушевывание», однако, критикуется современными мыслителями, что, например, достаточно отчетливо проявляется в современных танатологических исследованиях. Более того, философские идеи о необходимости поиска смысла смерти, наконец, в XX в. перешли и в сферу психологии, что стало реальным свидетельством того, что проблема смерти не абстракция. В психологии она была осознана как проблематичность искоренения проблемы смерти в качестве феномена человеческого бытия из современного социокультурного пространства, так и негативные последствия нивелирования смерти, умалчания о ней в медицинской практике общения с терминальными больными. Так, в 1969 г. вышла книга известного на Западе психотерапевта Элизабет Кюблер-Росс «О смерти и умирании» [11], в которой были представлены ее беседы с неизлечимыми больными. Кюблер-Росс выделила пять ступеней отношения к смерти у пациентов, находящихся на пороге смерти: 1) отрицание, 2) злость, 3) торг, 4) депрессия, 5) принятие. Не вдаваясь в подробное описание каждого этапа, заметим, что они в целом лишены страха перед физическими страданиями, но характеризуются ужасом перед самым уходом человека из этого мира. Важно, что для последнего этапа было характерно достижение пациентами понимания того, что приближающуюся смерть невозможно победить, но ее можно принять. Именно это принятие придавало определенный смысл всей прожитой жизни человека и позволяло ему пережить последние мгновения своего существования осмысленно.

Литература

1. Бовуар С. де. Очень легкая смерть / С. де. Бовуар. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/ochen-legkaya-smert-read-179719-32.html>

2. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Haid_BtVr/index.php
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – Режим доступа: <http://www.veniamin-ageyev.com/files/Shopenhauer-Aforizmy.pdf>
4. Сурожский А. «Человек перед Богом» / А. Сурожский. – Режим доступа: http://www.mitras.ru/pered2/pb_212.htm
5. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) / Л. Шестов. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shestov/shest08.htm>
6. Гуревич А. Смерть как проблема исторической антропологии : о новом направлении в зарубежной историографии / А. Гуревич. – Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/04_g/ur/evich_05.htm
7. Марков Б. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б. Марков. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markov/05.php
8. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – Режим доступа: http://krotov.info/history/18/general/e_2.htm
9. Свасьян К. Европа. Два некролога / К. Свасьян. – Режим доступа: <http://game.ru/book/philosophy/europe>
10. Ивлин Во. Незабвенная / Во Ивлин. – Режим доступа: <http://lib.ru/WO/nezabwennaya.txt>
11. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / Э. Кюблер-Росс. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/kyubler/

Воронежский государственный университет

Тихонова И. Ю. кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Тел.: 8-960-123-83-42

Voronezh State University

Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

Tel.: 8-960-123-83-42